

УДК 393.05+398.3

ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДНОСТЬ И «РИТУАЛЬНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ» В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЕ¹

Елена Михайловна Четина

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. chetina@mail.ru

Светлана Юрьевна Королёва

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. petel@yandex.ru

В статье на примере микролокальной традиции с. Юрла Пермского края рассматривается роль «ритуальных специалистов» («учёных») в обрядовой жизни современной сельской общины. Актуальные формы поминальной ритуальности сохраняют устойчивую структуру традиционных коммуникаций и включают обширный пласт фольклорных текстов. Хранителями традиций являются пожилые женщины, организующие ритуальное пространство и сопровождающие обрядовые действия исполнением молитв и духовных стихов. В ходе интервью с агентами ритуала выявлены формы вербализации сакрального знания, прослежены механизмы сохранности и трансформации традиционных обрядовых комплексов.

Ключевые слова: Пермский край; русские-юрлинцы; похоронно-поминальная обрядность; традиция; ритуальные специалисты; народное православие; духовные стихи.

Понятие «ритуальные специалисты» в отечественной фольклористике и этнологии применяется по отношению к участникам различных ритуальных действий, которые на протяжении обряда или отдельных его моментов выступают как «посредники между мирами». Будучи не просто знатоками традиции, но и носителями сакрализованной информации, они выступают как помощники тех лиц, на которых прямо или косвенно направлен обряд: невесты, жениха и их родителей на свадьбе, умершего и его родственников на похоронах и поминках, и т. п. Нередко ритуальные специалисты «одновременно являются специалистами в какой-либо узкой сфере производственной деятельности, требующей специализированных знаний» [Байбурин 1993: 200]: кузнецами, плотниками, мельниками, гончарами, пастухами и т. д. Особенно важное значение содействием «специалистов» (повитух, свадебных дружек, воплениц и др.) имеет в обрядах жизненного цикла, предполагающих тесный и продолжительный контакт участников с «иной» реальностью, который обусловлен переходом одного или

нескольких главных действующих лиц в новый статус [там же: 192, 198–199].

В числе ритуальных специалистов, участвующих в проведении похоронно-поминальных обрядов, исследователями обычно указываются обмывальщики, гробовщики, вопленицы (плакательницы, исполнительницы причитаний), «читалки» (в некоторых региональных традициях – исполнительницы молитв, духовных стихов). Рассматривая структуру восточно- и южнославянского погребального обряда, О.А. Седакова выделяет этих участников как «профессиональных исполнителей обрядовых актов» [Седакова 2004: 104]. Наиболее подробно фольклористами охарактеризована ритуальная роль воплениц (причитальщиц). Помимо обрядовых функций, исследователями рассматривается их репертуар, исполнительское мастерство и отношение к традиции, в отдельных случаях – обстоятельства биографии; примером подобного подхода служат монографические работы К.В. Чистова, посвященные талантливой вопленице Ирине Федосовой [Чистов 1955, 1988]. В статьях современных

исследователей, выходящих на данную проблематику, характеризуется место ритуальных специалистов в отдельных этнолокальных традициях, подчеркивается их ведущая роль в проведении обрядов, «подобная роли уставщика в религиозной сфере» [Кузнецова 1994: 75]; описываются субъективно-психологические особенности восприятия носителями традиции собственной роли, отмечается их профессиональная гордость [Кулагина 2007]; намечается изучение «профессионального инструментария» *читалок* – рукописных тетрадей с молитвами и духовными стихами [Ипполитова 2008]. Этномузыколог Н.И. Жуланова, рассматривая проблемы личности в традиционной культуре, выделяет в коми-пермяцкой деревне особую категорию «грамотных», которые «умеют читать и петь по церковным книгам молитвы и богослужебные тексты»: «“Грамотные” чрезвычайно высоко ценятся в деревнях, их знают по имени-отчеству, без них не обходятся ни одни похороны, частные поминки, их приглашают читать и петь молебны на могилах, они служат деревенские службы по большим праздникам – в случае, если в селе до сих пор не восстановлены церковь или часовня» [Жуланова 2014: 29–30]. Таким образом, женщины, выполняющие роль распорядительниц на похоронах и поминках, часто упоминаются как участницы ритуала, обладающие особым статусом и функциями; однако в большинстве работ характеристика этих ритуальных специалистов дается как бы попутно – в ходе описания похоронно-поминального обряда либо каких-либо процессов и явлений традиционной культуры, представляющих для авторов значительно больший интерес².

В нашей статье основное внимание целенаправленно переносится с обряда на его агентов. На примере традиции, зафиксированной в с. Юрла Пермского края, мы хотим охарактеризовать распорядительниц похоронно-поминальных обрядов как особый тип «ритуальных специалистов»; особенно важными представляются механизмы их включения в ритуально-обрядовую жизнь сельского микросоциума, рассказы о персональном опыте, пережитом в процессе участия в обрядах, выявление индивидуализированных поминальных практик.

Основным материалом послужили развернутые интервью, записанные авторами статьи с двумя действующими авторитетными поминальщицами в 2013–2014 гг., а также фотокопии их рукописных тетрадей (расшифровку аудио- и фотоисточников осуществила участница полевых исследований М.В. Курочкина)³. В качестве контекста учитываются и другие данные, полученные в экспедициях Лаборатории культурной

и визуальной антропологии Пермского государственного национального исследовательского университета в различных районах Северного Прикамья в 2000–2010-х гг.

Ритуальные специалисты и их «профессионализация»

В ходе экспедиционных выездов мы неоднократно фиксировали традиционные обрядовые практики на территории Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа – своеобразного «русского острова», где проживают потомки старообрядцев. Русские поселенцы, как правило, прибывали издалека: в конце XVII в. здесь обосновались беглые московские стрельцы, позже нашли приют поволжские кержаки и выходцы с Русского Севера. Краевед А.А. Бахматов в «Историко-документальной хронике Юрлинского района», ссылаясь на воспоминания старожилов, упоминает «беглых людей из Вятской губернии», поселившихся среди пермяков. Он также цитирует «Обозрение Пермского раскола» архимандрита Палладия, где в числе жителей данной местности указываются старообрядцы, бежавшие из разоренных скитов [Бахматов 1999: 10]. Ревнителю старой веры бережно хранили «дедовские» обряды – в их числе, по-видимому, был и развернутый похоронно-поминальный комплекс. В настоящее время юрлинцы в большинстве своем конфессионально индифферентны, однако «старообрядческий след» прослеживается в общинном сознании и актуальных обрядовых практиках.

«Русский остров», концентрирующий и транслирующий народную поминальную ритуалистику, может рассматриваться как один из культурных центров Коми-Пермяцкого округа. Хранительницами традиций являются, как правило, пожилые женщины. Обычно для их обозначения местные жители используют описательные конструкции: *много молятся, по покойнику читают, по поминкам ходят*; наиболее авторитетные из них называются *учёные* – подобное наименование сигнализирует о наличии специальных знаний и, на наш взгляд, подчеркивает высокий статус ритуальных специалистов в иерархии сельской общины. Юрлинцы приглашают *учёных* и их помощниц на похороны и поминки, обеспечивая тем самым выполнение обрядовых действий (в нашей статье эту категорию женщин мы называем «поминальщицами»).

Несмотря на то что в селе имеется православная церковь и активную миссионерскую деятельность проводят другие религиозные организации (такие как «Новый Завет»), многие сельчане сохраняют в быту народно-православные традиции. В ходе ритуала *учёные* читают молит-

вы, поют духовные стихи. Освоение ими обширного корпуса канонических и фольклорных текстов происходит постепенно, во время коллективного ведения обрядовых действий. Компетентные участницы охотно рассказывают о том, как оказались вовлечены в круг специалистов:

Женщина, рядом жила, она сейчас уехала к дочери... и вот она пойдет на поминки, ее приглашали. А она работала когда-то в медицине – медсестрой в роддоме... ее приглашали, значит, на поминки, а она говорит: «Ой, одной мне очень трудно проводить, ведь надо нараспев кое-чѐ, там стихи петь. А, говорит, женщины, вот тут соседи, я пригласила их, и вот тебя. Давай, это самое, походи». Ну вот. Потом мы с ней так года четыре ходили вместе, ее не только сюда по соседству пригласят, а куда-то еще, и она нас опять с собой. Это она нам сказала: «Вот я уеду, девушки, уеду, так вот теперь придется вам ходить по поминкам...» А мы хором ей, значит, заявляем <...>: «Нет, мы ходить не будем».

Передача поминальной традиции, как правило, происходит в ходе совместной деятельности. Здесь в полной мере проявляется личностное начало: ведущие как субъекты ритуала выбирают помощниц и приглашают их «помолиться». Начинающие поминальщицы постепенно, «с голоса», перенимают своеобразную манеру ритуального пения, переписывают и заучивают обрядовые тексты. Новые участники поминальных обрядов в конце концов становятся признанными специалистами. Часто они не сразу соглашаются совершать ритуальные действия самостоятельно, поскольку опасаются сделать «не так, как надо»: *Нет, мы ходить не будем.* Однако произошедшее приобщение к поминальной обрядности формирует у агентов ритуала чувство особой ответственности. Они осознают, что совершение «посреднических действий» между миром живых и миром мертвых накладывает обязательства, от выполнения которых они уже не вправе отказаться. Свою роль здесь играет и чувство своего рода групповой солидарности: в ходе обряда поминальщицы помогают друг другу, стараются они проявлять взаимопомощь и в дальнейшем.

На наш взгляд, юрлинских *учѐных* – как и вообще распорядителей частными, семейными похоронно-поминальными обрядами – можно рассматривать как главных ритуальных специалистов в современной народной культуре. Они руководят обрядами «перехода», организуют сакральное поминальное пространство и вступают контакт с покойным как «воображаемым персонажем». Однако следует отметить некоторые различия в бытовом поведении ритуальных специалистов в традиционной деревенской общине XIX – начала XX вв. и современном селе.

А.К. Байбурун подчеркивает, что ритуальные специалисты «живут на периферии культурного пространства», обладают особой внешностью, специфическими атрибутами одежды, отличной от других манерой поведения; указывает на их изолированное положение в коллективе, аномальность в физическом или психическом плане [Байбурун 1993: 200]. Современные агенты похоронно-поминального ритуала, по нашим наблюдениям, в бытовом поведении не демонстрируют каких-либо отличий от односельчан, а в социально-коммуникативном плане находятся, скорее, в центре сельского культурного пространства. Юрлинские поминальщицы принадлежат к одному поколению: это женщины 1941–1943 гг. рождения, в прошлом – активные труженицы в различных областях хозяйственной деятельности (медицинские сестры, продавцы, работницы совхоза). В результате получения сакрального знания они становятся *учѐными*, что еще более повышает их статус – связанный теперь уже не с официальной профессией, а с приватной ритуально-обрядовой жизнью местного социума.

С другими традиционными ритуальными специалистами – особенно такими как плакальщицы – современных распорядительниц похоронно-поминальных ритуалов сближает наличие личного травматического опыта: как правило, активные участницы поминок в прошлом сами пережили утрату одного или нескольких близких людей. Об одной из юрлинских поминальщиц рассказывают:

У нее, знаете, очень много померли. У ее свекровь умерла, потом, значит, мать умерла, брат умер... муж пока живой... сын... прошлый год утонул, это самое, в Каме, сноха умерла. Вот столько – шесть иль семь человек она уже перехоронила, вот только здесь.

Нередко именно проведение многочисленных обязательных поминок по родным естественным образом перерастает в более активное участие в обрядовой жизни сельской общины.

Наши собеседницы признают, что новые «профессиональные компетенции» требуют специальной подготовки. Обычно все они хорошо помнят свой первый самостоятельно проведенный обряд, подробно описывают его:

А потом как-то у меня умерла двоюродная сестра. И говорю: «Любовь Иванна, поедем, машина сейчас подойдет и съездим, всё-таки почитай. А я, это самое, хоть поприсутствую с тобой опять там». Она говорит: «Если тебе надо, пожалуйста, езжай и проводи там». Принесла мне вот православный молитвослов и говорит: «Возьми вот... – показала мне, что, – и переписи для себя». Я, значит, переписала в книгу, я вам сейчас ее покажу, эту книгу. И вот столько лет я уже пользуюсь этой книгой...

Рукописные тетради, в которые переписываются необходимые тексты, имеются у всех агентов ритуала. Даже в том случае, если у поминальщиц появляются печатные книги, купленные в церкви (обычно издания «Псалтири и канонов, чтых по усошим» для мирян), многие продолжают пользоваться ранее изготовленными для себя рукописными книжками и тетрадками:

Просто... какой-то журнал когда-то у меня был, по работе еще оставался, я в этом журнале всё переписала, и вот в ём, значит, всё. <...> Щас уже как бы... ну, это... может, что-то уже устарело, может, что-то я неправильно делаю, не так, как положено, но я привыкла к этой бумаге, книге, и ношу эту с собой.

Предпочтение объясняется не только привычкой к «старому» варианту текста (который может в разной мере отличаться от канонического), но и тем, что в тетрадках иногда содержатся своего рода краткие инструкции, уточняющие ход обрядовых действий, фиксируется их последовательность:

Покадить стол (перед молитвой «Святый Боже»); Список читать за упокой; Упокой, Господи, ново представленных (список); Кто эту молитву знает 3 раза читает того Господь спасет (примечание к «Сну Богородицы»); от Паски до Троицы не читать ее (примечание к «Молитве ко Святому Духу»).

В состав рукописных тетрадей входят не только молитвы, но и духовные стихи и причитания, в церковных книгах, естественно, отсутствующие, однако активно исполняемые юрлинцами вплоть до настоящего времени.

Признание окружающими статуса специалиста предполагает необходимость дальнейшей активной деятельности, которая поддерживается характерной для сельской местности системой коммуникативных связей. К услугам учёных прибегают представители различных социальных слоев, которые настойчиво приглашают их на похороны и поминки:

А люди-то уже зазнали и уже... Не каждый, значит, крещёный <...> человек, который умер, он не каждый крещёный, и в церковь, его, значит, могут не принять, чтобы его там... отпевание провести. Вот они, значит, приходят сюда, к нам, и говорят: «Будь добрая, ну пойдём». Приходится, значит, приходиться; Тот придет, из милости просит: «Ну будь добрая, ну хоть немножко чё-нибудь, чё-нибудь нам, ну хоть какие-то молитвы небольшие». Ну, приходится вот так идти... к тому сходишь, другой зовет, третий, пятый, десятый.

О признании «статуса профессионала» свидетельствует расширение географии проводимых поминок: опытных поминальщиц начинают приглашать всё дальше за пределы их населенного пункта:

А щас уже дело дошло до того, что приходится даже в деревни эти... вот родственники, допустим, у них там умерли... у меня, значит, племянники в деревне живут, и у них, значит, умерла мать... у него, у племянника... отец умер. Пришлось, значит, мне это всё проводить. <...> Дальше, тут приглашали в деревню. Вот соседи тоже. У одной женщины умер отец, пришлось тоже ездить.

Юрлинские пенсионерки, ставшие ритуальными специалистами, в шутку называют себя «похоронным бюро». За юмористическим самонаименованием угадывается, однако, высокая степень вовлеченности в ритуальную жизнь и ответственное отношение к своему делу. Иногда поминальщицам приходится сталкиваться со специфическими «профессиональными» затруднениями, например совпадением нескольких значимых поминальных дат:

А я почему выразилась «Похоронное бюро»... 29-го <июля> у меня совпадает три поминки, и везде я читала. Я теперь не знаю, чё делать, к кому пойти, к кому не пойти, обижаться ведь будут. И вот я говорю: «Просижу дома и вообще ни к кому не пойду!» (Смеется.) Обиды не будет. (А если вы по кому-то по умершему читали, то вам на поминки надо?) Также надо читать, да, идти... Но там вот одна старушка... години... и я не знаю. А тут родственники, сорочины. Я вчера поделилась с своей дочерью, что у меня такая беда, а она говорит: «Дак, наверно, к родственникам пойдешь...»

Разрешение затруднений происходит в соответствии с предписаниями, заложенными в традиции; примечательно, что предпочтение, отдаваемое родственникам, обычно не вербализуется юрлинцами прямо, однако о его существовании свидетельствуют детали этого и других интервью.

Ритуальные специалисты относятся к известным им правилам, нормирующим проведение обрядов, с особым вниманием. В этой связи интересна их реакция на случаи вынужденного отступления от норм:

А вот говорят, что дома поминки справлять не надо, так как она <знакомая, завещавшая себя поминать> у меня не жила. И умерла не у меня, а в своей комнате. И вот мне говорят: «Ты не вздумай дома справить». Я теперь как справляю. Девятины, сорочины я там <в доме умершей> справила. <...> В прошлом году собрались мы опять на кладбище идти – пироги напекла, шаньги напекла, напекла всё – и дождь. С утра и до вечера. Ну и чё, эта же подруга опять ко мне пришла... Мы с ней дома <у рассказчицы> посидели, поели.

Когда «правильное» проведение поминок оказывается невозможно или крайне затруднено, это становится достаточным основанием для нарушения запрета, включается логика «здорового смысла». Новый опыт затем транслируется –

но не как отменяющий правило, а как дополняющий его.

В традиционной культуре приобщение к сакральным знаниям накладывает на человека ряд обязательств, в том числе этических, важнейшим из которых является запрет на коммерциализацию деятельности. Распорядители ритуала подчеркивают:

Нам-то ничё не надо... Нам дадут... какие-то там оладушки... Да ведь мы еще сами все... я, например, сама сегодня стряпала пироги <на поминки, куда пригласили>.

Учёные, как правило, не только не ждут награды за свой труд, но и приносят угощение «от себя» к поминальному столу. Как посредники они заинтересованы в том, чтобы все состоялось «как полагается», душа покойного «успокоилась», а родственники и соседи умершего смогли «правильно» проститься с ним.

Профессиональная вовлеченность в поминальные практики усиливает интенсивность индивидуального контакта с «иным миром». Поминальный список – вариант семейного помянника, который ведет большинство пожилых женщин в данной местности, – у специалистов существенно расширяется. Традиционно такие списки включают родных, друзей и соседей, однако специалисты могут дополнительно вписывать тех, у кого присутствовали на поминках:

Тут мои родственники, мои и чужие, у людей, которых я вот хожу поминать... <...> Где-то у меня есть тоже листочек, так там уже человек двести... Человек двести уже, они у меня записаны. И вот всех не поминаешь, но хотя бы в течение года которые умерли, вот их обязательно надо за упокой помянуть...

В работах последних лет, основанных на полевых материалах из различных регионов страны, появляются упоминания об осложнившихся взаимоотношениях носителей народных традиций и представителей церкви. Юрлинские ритуальные специалисты тоже упоминают, что осуществляемые ими практики вызывают неприятие местного клира. Критике ожидаемо подвергаются некоторые народные обряды, например проводы души, которые в Юрлинском районе проводятся с участием живого ритуального заместителя умершего:

...батюшка, так он вот так говорит: какую вы еще душу провожаете? И кого вы наряжаете, как куклу? Раньше такое было... наряжали. Вот, допустим, осталось у усопшей пальто или кофта какая-нибудь, платок... и вот наредят и душу, значит, провожают в этом... наряде. <...> Щас уже избегают этого, чтобы наряжать... А обычно мы провожаем в сороковой день.

Однако неприятие распространяется иногда на домашнее поминовение как таковое:

И за это уже нас наказывал, ругал батюшка. Он, конечно, вообще не рекомендует ходить по всем этим, значит, обрядам. Это, говорит, должны проводить не вы; Он говорит: мы ходить должны... не ходить, а... «Это священники должны проводить обряды такие прямо в церкви, пусть они приходят, кому надо...»

Следует сказать, что сельские жители обычно не замечают подобных противоречий и по возможности сочетают церковное поминовение с традиционной практикой домашних поминок. При этом в рассказах сельчан о поминальщицах отмечается их готовность помочь, компетентность, бескорыстность; многие осознают, что участие в поминках требует временных, физических и психологических затрат.

Традиционные похороны и поминки: взгляд изнутри обряда

Множество интервью с поминальщицами, записанные нами не только в Юрлинском районе, но и на других территориях, позволяют выявить некоторые особенности рассказов ритуальных специалистов об обрядовой деятельности. Так, именно эта категория информантов дает самые подробные, детализированные описания хода обряда, включая последовательность отдельных элементов, указания на поведение всех участников, время и место исполнения. Другая важная особенность связана с точкой зрения на обряд, реализуемой в этих нарративах: большая часть ритуальных действий описывается специалистами «изнутри», актуализируется их собственный опыт многократного участия в похоронах и поминках. Там, где обряд проводит группа женщин, состав которой относительно постоянен, рассказ строится не только от «я», но и от коллективного «мы» этих распорядительниц.

Специалисты предлагают своего рода психологическую мотивацию похоронного обряда, объясняют, насколько важно присутствующим эмоционально прочувствовать происходящее:

Нет, вначале прощаются все остальные, а потом уже самые близкие... чтобы это до них доходило, чтобы было как-то жаль, и слезы были, чтоб чувствовалось всё же, что они уже провожают в последний путь близкого, дорогого себе, родного человека.

Распорядители ритуала подсказывают присутствующим, как себя вести, что полагается говорить. Актуальные формы юрлинской поминальной ритуальности сохраняют устойчивую структуру традиционных коммуникаций и включают обширный пласт фольклорных текстов. Значительная часть из них представляет

собой ритуализированные обращения к умершему, предполагающие возможность некоторой импровизации:

А у нас, значит, проходят, перекрестят... перекреститься обязательно нужно. Потом, значит, что-то сказать, вот, допустим: «Прости меня, Мария. Для меня ты была хорошая женщина, мы дружили, вместе работали... вместе где-то бывали... на работе вот, допустим... летом на сенокосе помогали друг другу, или за грибами, за ягодами вместе ходили, бывали. Прости меня за все, что я, может, для тебя сделала нехорошее. Я тебя прощаю, и ты меня прости». Вот такие слова, значит. А потом крестик... то есть иконку берут, поцелуют ее, поклоняются еще раз. <...> Допустим, родственники, дак они и целуют – мать или отца... Соседи, близкие или там сослуживцы – они просто поклонятся <...> и вот могут сказать вот такие слова: «Прости мне, пожалуйста. Прости меня. Я тебя прощаю, и ты меня прости. У нас в жизни всякое, может, бывало. Я тебя прощаю и ты меня прости».

Активная позиция специалистов проявляется и в том, что они готовы исправить возникшее отступление от обряда. Иногда «сбои» происходят из-за того, что отношение сельчан к ритуалам меняется, например, возникают случаи, когда на похоронах «первый встречный» отказывается взять приготовленный мешочек с вещами:

Да, некоторые не берут. Вот в таком случае, значит, надо взять тому человеку, которому дали подать, и пусть он себе возьмет, ничё страшного не будет... просто уговорить, поговорить с ним. Но прежде чем взять эту милостинку, он должен перекреститься, помянуть за упокой души усопшего или усопшей.

В некоторых случаях распорядители заранее готовят односельчан к участию в обряде. Одной из таких ответственных ритуальных ролей является замещение умершего на *сорочинах* – в 40-й день:

И просто попросила дочь у Марии <покойницы>, просила дочь эту соседку, чтобы она пришла, чтобы... душа. Я у нее спросила: «У тебя был случай такой, чтобы ты у кого-то где-то участие такое принимала? Чтоб тебе вот дали мешочек и чтобы ты, значит, возвратилась обратно?» Она говорит: «Я слышала, что вот так вот, но со мной лично не бывало таких случаев». Ну я ей как бы подсказала, что как чего, это всё сделала так...

Работа, осуществляемая специалистами и направленная на объяснение ритуального поведения, является, по всей видимости, одним из естественных, трудноуловимых и, кажется, еще мало изученных механизмов сохранения традиционных обрядовых форм.

Рассказ ритуального специалиста может строиться таким образом, что в нем сразу уста-

навливаются допустимые традицией пределы варьирования:

Так. А туда <в котомку для заместителя умершего> ложат вот, допустим, что-нибудь из стряпни. Обязательно желательны фрукты, обязательно желательны хотя одно-два яйца вареные, допустим, конфет каких-нибудь, печенюшки понемножку, ну вот такое. Что можно только поест. Ну, выпить, допустим, можно сок положить. Кто хочет, может даже красное вино положить, а может... у нас редко такое делается.

Агенты ритуала хорошо представляют возможные обстоятельства проведения поминок, поэтому описывают ход обряда применительно к конкретным жизненным ситуациям:

Если, допустим, тут кто-то есть... такие соседи, знакомые, которые просто прибыли... и подают всем по кусочку, или по яичку, или по яблоку, или там половинка яблока. Обязательно нужно раздать <...> Ну, желательно, конечно, в первую очередь чтобы были яички и кутья. Кутью обязательно...

И в ходе обряда, и при его подготовке учёные часто выступают как своего рода эксперты, комментирующие смысл ритуальных действий – например, подчеркивают необходимость обильного поминального угощения и обязательное наличие на столе горячего блюда:

Хотя бы одно блюдо должно быть... пар должен идти, чтоб душа питалась.

В числе обязательных обрядовых действий юрлинские поминальщицы выделяют каждение – окуривание ладаном:

И вот когда, допустим, поминки, стол накроют, и вот надо, значит, стол обязательно покадить, прежде чем сесть за стол <...> И вот эти слова тоже нужно говорить: «Ангелы Господни, донесите запахи дьямьнского ладана до усопшей Марии, до усопшего Ивана...».

Специалисты придают каждению и сопутствующим ритуальным формулам особое значение, подчеркивают:

Обязательно нужно сказать: «Ангелы Господни, донесите...».

Ритуальное каждение предполагает трансформацию обыденного пространства в сакральное, обеспечивающее коммуникацию с иным миром⁴.

Следует отметить универсальный и устойчивый характер представлений юрлинцев о потустороннем: незримом присутствии покойного, знаках, которые его душа подает живым. Поминальный обряд (и особенно ритуальное застолье) как развернутый способ коммуникации с сакральным миром вызывает расширение «мифологического опыта» у специалистов. Не случайно в их рассказах и комментариях широко

распространено мифологическое объяснение элементов обряда и возникающих обыденных ситуаций:

И вот, представьте себе, где бы мы ни бывали, муха обязательно где-нибудь сидит – там поест, там попробует, там посидит, там посидит, или на тебя сядет, сегодня даже на меня... одна-единственная! Вот это душа, душа человека. Она уже... чем-то, может, недовольна, может, что-то хочет поесть. Вот, смотрю – на ватрушке сидит, ест, потом на меня, значит, на плечо мне села. Одна-единственная муха. Это у многих так бывает.

Толкование происходящего, таким образом, входит в профессиональное поведение учёных; они охотно объясняют, что является хорошей приметой, а что – дурным знаком:

А если выскочил кто <раньше времени из-за поминального стола>, значит, это покойник тоже выскочил, не поел; А вот провожают <душу> до калитки. <...> Потом она тихонечко возвращается обратно, и заходит, и в дверь стучит. (А остальные раньше успевают зайти?) Естественно. Ни один человек не должен оставаться и сзади нее зайти. Это, говорят, нехорошая примета.

Активная вовлеченность специалистов в поминальные практики проявляется и в календарные поминальные дни (Радуницу, Семик, Троицкую субботу, родительские субботы и др.). Накануне Троицы поминальщицы посещают 2–3 кладбища, где похоронены их близкие (участие в поминках у «чужих» людей как бы дополнительно обязывает их «приходить» и к «своим»); здесь они стараются покадить могилы всех родных, а также знакомых, которых «уважали», и тех, кого «некому помянуть». В их устном репертуаре особое место занимают рассказы о случайных встречах на кладбище с родными, о «чудесным образом» найденных старых могилах родственников:

Она <бабушка> умерла-то в каком году? В 69-м, наверно. Ну вот. Так это, мы могилу-то найти не могли. <...> Я говорю: «Бабушка, покажись, где ты тут?» И представляете, я подхожу – могила высокая. У нас две сумки были, мы обе сумки тут ставим, с сыном: он сумку поставил, и я поставила. И пошли искать. <...> Я смотрю – против памятника могила вся... ну низкая совсем. Мне не верится, что это бабушкина могила такая <...> Я потом, значит, ладан разожгла, покадила. И вначале я ту могилу покадила, а потом я эту покадила. На ту могилу скатерть настлала, значит, которая не моя могила. Тут мы стоим, едим, поминаем. Я говорю: «Нет, на эту могилу всё равно надо что-то наложить». (На высокую-то вот?) Ага. Я беру вторую скатерть, значит, туда расстилаю, ложу, иду, и это, когда приезжает двоюродный брат, и оказалось, что эта высокая – бабушкина могила! <...> Как бы сказало – вроде вот такое ощущение, как вроде она сказала: «Здесь я».

* * *

Таким образом, устные рассказы и комментарии учёных позволяют лучше понять актуальное состояние традиции, проследить механизмы сохранности народной православной культуры. В Юрле, как и на большей части территории района, сохраняются все этапы похоронно-поминальных ритуалов. Большое значение повсеместно придается каждому, которое выступает как механизм трансформации обыденной реальности в сакральную. Агенты обряда организуют ритуальное пространство, отвечают за него, осуществляют символический контакт с «потусторонним миром», регулируют поведение участников. Объясняя, что в данный момент происходит в мире мертвых и давая подробную инструкцию к поведению живых, ритуальные специалисты обеспечивают сохранность структуры и семантики обрядовых действий. Важную роль играет также трансляция ими собственного ритуально-мифологического, этического и психологического и опыта.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ, проект № 16-14-59601e(p) («Народная культура Прикамья: динамика фольклорной традиции») и № 15-14-59003a(p) («Похоронно-поминальный фольклор Прикамья в системе русской традиционной культуры»).

² В числе известных нам исключений назовем коллективную работу «Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья», построенную по принципу этнодиалектного словаря: здесь читалкам посвящена отдельная небольшая статья, в которой участницы обряда определяются как «особая социальная группа» – «распорядители не только похоронно-поминальной обрядности, но и религиозных праздников», «профессиональные исполнители» необходимых слов и действий; отмечается определенная иерархичность этой группы, лаконично описывается процесс ученичества и устно-письменный способ передач традиции, характеризуются отдельные черты «профессиональной самоидентичности» читалок, их взаимоотношения с представителями церкви [Карвалейру 2012].

³ Как и на других территориях, поминальщицы из с. Юрла пользуются уважением у односельчан; однако поскольку в интервью содержится в т. ч. информация личного характера, то имена информантов по этическим соображениям в статье не приводятся.

⁴ Подробнее о полевых материалах, связанных с каждым в юрлинской традиции, см. в пуб-

ликации участницы наших экспедиций [Колегова 2016: электр. ресурс].

Список литературы

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 242 с.

Бахматов А.А. Память. Историко-документальная хроника Юрлинского района: к 75-летию образования района. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное изд-во, 1999. 391 с.

Жуланова Н.И. Личность в традиционной музыкальной культуре: от социокультурных ролей к уникальным индивидуальностям // Личность в культурной традиции / отв. ред. Л.В. Фадеева. М.: Изд-во Государственного института искусствознания, 2014. С. 14–40.

Ипполитова А.Б. Религиозные стихи: рукописная традиция // Традиционная культура. 2008. № 3. С. 80–88.

Карвалейру А.М. Читалки // Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь / колл. авт. И.С. Кызласова, А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. М.: Индрик, 2012. Т. 2. С. 599–602.

Колегова О.А. Семантика вещи в похоронно-поминальной ритуалистике русских-юрлинцев: кадьница // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика: конф. студентов и аспирантов: сб. тезисов / Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. СПб., 2016. С. 29–32. [Электронный ресурс]. URL: https://eu.spb.ru/images/et_dep/asf5/TezisyAFS2016.pdf (дата обращения: 02.09.2016).

Кулагина А.В. Вопленица из Чухломки // Фольклор и современность (Савушкинские чтения) – IV–V: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / ред. О.Б. Балашова; Мос. гос. ун-та. М., 2007. С. 24–35.

Кузнецова В.П. Подголосницы Заонежья // Кижский вестник. Вып. 4: Заонежье / ред. А.П. Журавлев; Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 1994. С. 75–85.

Седакова О.А. Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

Чистов К.В. Народная поэссеса И.А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1955. 163 с.

Чистов К.В. Ирина Андреевна Федосова: историко-культурный очерк. Петрозаводск: Карелия, 1988. 333 с.

TRADITIONAL CULTURE AND “RITUAL SPECIALISTS” IN MODERN VILLAGE

Elena M. Chetina

Assistant Professor, Russian Literature Department
Perm State University

Svetlana Yu. Korolyova

Assistant Professor, Russian Literature Department
Perm State University

The article is devoted to the role of so called “ritual specialists” in the ritual life of contemporary rural community (on the example of microlocal tradition of Yurla –the large settlement in Perm Region). Actual forms of funeral rituals retain a stable structure of traditional communications and include a number of folklore texts. The keepers of traditions are older women who organize the ritual space and accompany ritual actions by the performance of prayers and spiritual verses. The analysis of interview with the ritual agents reveals the different forms of verbalization of the sacred knowledge, shows the mechanisms of conservation and transformation of traditional ritual complexes.

Key words: Perm Region; Russians; funeral and memorial rites; tradition; ritual specialists; spiritual verses.